

ТАМ, ЗА КРОМКОЙ БЕРЕГА

«Берег», этот роман для театра, который Московский драматический театр имени Н. В. Гоголя начал свои гастроли в нашем городе, вызвал большой интерес у пермских зрителей. Две встречи со спектаклем (2 и 5 августа) в театре оперы и балета имени П. И. Чайковского прошли при переполненном зале. На четыре предстоящих спектакля — 12, 18, 26, 29 августа — билеты уже давно проданы. Первые рецензии, в которых делается попытка оценить эту значительную работу творческого коллектива театра, затрагивающие споры о том, насколько удалось театру проникнуть в глубь проблем широко известного романа Ю. Бондарева, что нового узнали мы, зрители, после такого сценического прочтения многопланового, сложного литературного произведения — все это дает нам основания еще раз повторить о спектакле, войти в его атмосферу. Только на этот раз мы предлагаем смотреть «Берег» не на зрительного зала, а за кулисы...

Третий звонок. Смолкает гул голосов в зале. В это время за занавесом, в полумраке еще не освещенной почти сцены стоит, задумавшись, Леонид Кулагин. Проходит несколько шагов и снова останавливается. Слово привлекает к пространству незнакомой сцены, к пространству той жизни, в которую ему предстоит окунуться через несколько минут.

Вот-вот стирается занавес, и вместе с ним откроются четвертые за полудекавую историю театра имени Гоголя гастроли в Перми. Откроются романом для театра в двух частях Юрия Бондарева «Берег». И заслуженный артист РСФСР Л. Кулагин будет играть в нем главную роль — нашего современника, молодого уже писателя Никитина. Никитин внезапно, на наших глазах столкнется со своим прошлым — с маем сорок пятого года...

Помощник режиссера Галина Гилянова что-то нетерпимо передает по внутренней радики театра. Два-три актера также нетерпимо переговариваются в сумраке кулис. Театральная уборщица ищет себе место поудобнее — чтоб никому не мешать и чтоб видно было сцену. Как будто бы все спокойно.

Короткие эти минуты перед началом спектакля полны не тревоги, не суеты, но ожидания. Ожидания встречи. Со сценой, с залом, с новыми зрителями. И — для каждого актера — с самим собой, со своей ролью.

— Мы после отпуска, — говорит мне актриса, которая сыграет в спектакле крошечную роль. — Сегодня не только гастроли начинаются, начинается вообще работа.

Сегодня — встреча с работой. И вот последнее мгновение перед встречей. Сцена пуста, ярче вспыхивают вступления прожекторы, актеры, ждущие выхода, — на своих местах за кулисами, Галина Гилянова — у пульта, здесь же стоит режиссер Владимир Богослов, который вместе с постановщиком, главным режиссером театра народным артистом РСФСР В. Голубовским ставил спектакль. Сейчас режиссер — почти зритель, как и В. Голубовский. Только главный режиссер сидит в зале и вместе с пермскими ждет открытия занавеса.

Вот так начался в тот вечер «Берег» за кулисами — с ожидания. В гримерной артисты Ольга Науменко и Евгений Мамонтов, которым предстоит выйти на сцену в ролих лейтенанта Княжко и немецкой девушки Эммы, уже в гриме. Они, разговаривая о вещах вроде бы посторонних, время от времени серьезно и внимательно взгляды на себя в зеркало. На самом деле они уже там — в мае сорок пятого, в аэропортах

видят себя именно такими. Солдаты — немалодушие и молодые, в орденах и медалях, в лиловых гимнастерках, «бывших в употреблении», в выданных видах сапогах, толпятся на лестничной площадке далеко за сценой, беззаботно смеются, курят. Но именно такими, беззаботными солдатами окончившейся, как им верится, войны, уже взявшими Берлин, они и выйдут через несколько минут на сцену. Значит, и для них спектакль уже начался...

• Театр. Гастроли

Всего, удивительное это чувство — единство театрального коллектива во время спектакля. Все — от актеров до рабочих сцены, — живущие в какие-то моменты как бы независимо от спектакля. Все-таки все время чувствуют его течение, ритм, дыхание. Вот актер, потерявший пилотку, ищет ее, тихо чертыхаясь в крошечной тьме черных бархатных кулис. Но это не мешает ему в нужный момент, без просьбы, каким-то чуждым чувством угадать, что нужно помочь выдвинуть на оценку тяжелых станок. Вот Александр Пашутин, исполняющий роль рядового Воробьева, аполгалоса, спрашивает меня о Перми,

о Наде Павловой, которая танцевала вот на этой сцене и окунала свои балетные таночки — каски — вот в этот ящик с мелом (он стоит за кулисами театра). И вдруг, забывшись, Пашутин исчезает — скоро выход. А ведь он, казалось бы, и не следил, что делается на сцене. Вот заведующий электротехом Олег Сергеевич Перонов шепчет своей помощнице, что завтра надо прийти пораньше, завтра «Рок-н-ролл на рассвете», спектакль световой, много работы. И тут же, почти машинально готовит фонарь, который он через несколько минут вручную, никому не доверяя, будет подсвечивать в одной из ответственных сцен — сцене гибели лейтенанта Княжко.

Спектакль своим глубоким, широким течением подхватывает всех, кто за кулисами, влечет за собой и в нужный момент выносит на поверхность, к берегу, к сцене. То, что происходит на сцене, — только линия прибой. И тогда герои — писатель Никитин, всю жизнь помнящая и ждущая его Эмма Герберт говорят о берегу — берегу разрывающем и соединяющем, за которым лежит неведомое, кто страданным образом переключается и с самим театром, с тем, как он устроен и живет.

Антракт. Опять-таки громкий, но напряженный разговор на сцене. Заведующий декорационным цехом,

режиссер, бутафор, помреж, рабочие сцены решают, что и как нужно немедленно изменить в расстановке декораций. Площадка-то новая, есть неуязвки. Я тем временем спрашиваю у актеров:

— Ну, как зал, как вообще все идет?

— Да, кажется, все идет нормально. А зал? Чуткий, внимательный. Хорошо слышит, смеется точно. Хороший зал.

Вот они — переключка берега и потока зрительного зала и тех, кто на сцене и за сценой.

Смотрю спектакль из-за кулис. И как ни странно, не расхолаживает меня то обстоятельство, что я вижу, как Олег Сергеевич подсвечивает красным фонарем гибель Княжко, и что сам Княжко, только что убитый на сцене лейтенант, убитый мучительно келено, в самом конце войны, здесь за сценой стоит со мною рядом и, тяжело дыша, осторожно стирает капли пота с загримированного лба. Нет, то, что волнует зрителей в замершем зале, — волнует и меня. Потому что то, что происходит на сцене, не обман для простаков, оно — трепетное и грубое, обыденное и дивное ремесло театра. Его стихия. Просто я по ту сторону берега. Я вижу, как поднимается волна, чтобы ударить о берег...

Е. ФЕДОРОВА.

На снимках: за минуту до выхода (артистка Ольга НАУМЕНКО исполняет в спектакле роль Эммы в юности); актеры аплодируют зрителям.

Фото Л. Холмогорова.

